

Считаю себя мастодонтом

Культура. — 2004. — 18-24 марта. — С. 12

В этом году "Оскара" за лучший фильм на иностранном языке получила канадская картина "Нашествие варваров" Дени Аркана. Еще раньше она была удостоена сразу двух премий на Каннском фестивале за лучший сценарий и главную женскую роль. Мировая известность пришла к режиссеру и сценаристу Дени Аркану в 1986 году вместе с фильмом "Закат американской империи", отмеченным премией международной критики на Каннском фестивале и сразу девятью премиями "Джини" Канадской киноакадемии. Номинировался он и на "Оскара", но киноакадемия тогда еще явно не созрела для восприятия того, о чем поведал с экрана Дени АРКАН. Слишком интригующими показались острота и полная непредсказуемость диалогов, неповторимый юмор, ирония, подчас близкая к цинизму, способность к неординарным обобщениям.

Аркан никогда не скрывает, что ориентируется на думающую публику, способную сопереживать его героям. На сей раз он смело обратился к теме, самой запретной в массовой культуре, — смерти. Режиссер пригласил в "Нашествие варваров" повзрослевших и набравшихся жизненного опыта своих любимых актеров, 17 лет назад блиставших в его "Закате американской империи". Он и сам сыграл в том фильме небольшую роль профсоюзного деятеля.

Дени Аркан дал интервью еще до вручения "Оскара" на премьере своего фильма в Санкт-Петербурге.

— Ваши фильмы насквозь ироничны. Как вы относитесь к иронии в жизни?

— Ирония — вопрос темперамента, характера, нрава, если хотите. Все зависит от того, как вы видите мир. Если вы видите мир с улыбкой на лице и в определенном свете, то, наверное, это и можно назвать иронией.

— "Нашествие варваров" — название очень символическое и интригующее. Что вы имели в виду, давая его фильму?

— Мы все наблюдаем конец европейской цивилизации, который начался еще в эпоху Возрождения. Мы слабо понимаем, каким будет будущее. Я думаю, что речь не идет о некоей глобальной катастрофе и отсутствии счастья как такового. Если вы являетесь, например, врачом в США, вас ждет процветание в течение как минимум ближайших ста лет.

— Была такая книга у Шпенглера "Закат Европы"? Не кажется ли вам, что в современном обществе к ней практически потерян интерес?

— Это прекрасная книга. И более того, она весьма актуальна. Вы считаете, что к ней потерян интерес? Но если мы говорим о крахе, закате, то такое состояние продолжается не год и не два, а много лет. Придет время, и книга опять будет востребована и популярна.

— Откуда, по-вашему, происходит понятие "нашествие варваров"? Откуда-то извне, из недр американской империи, или из недр самого человека?

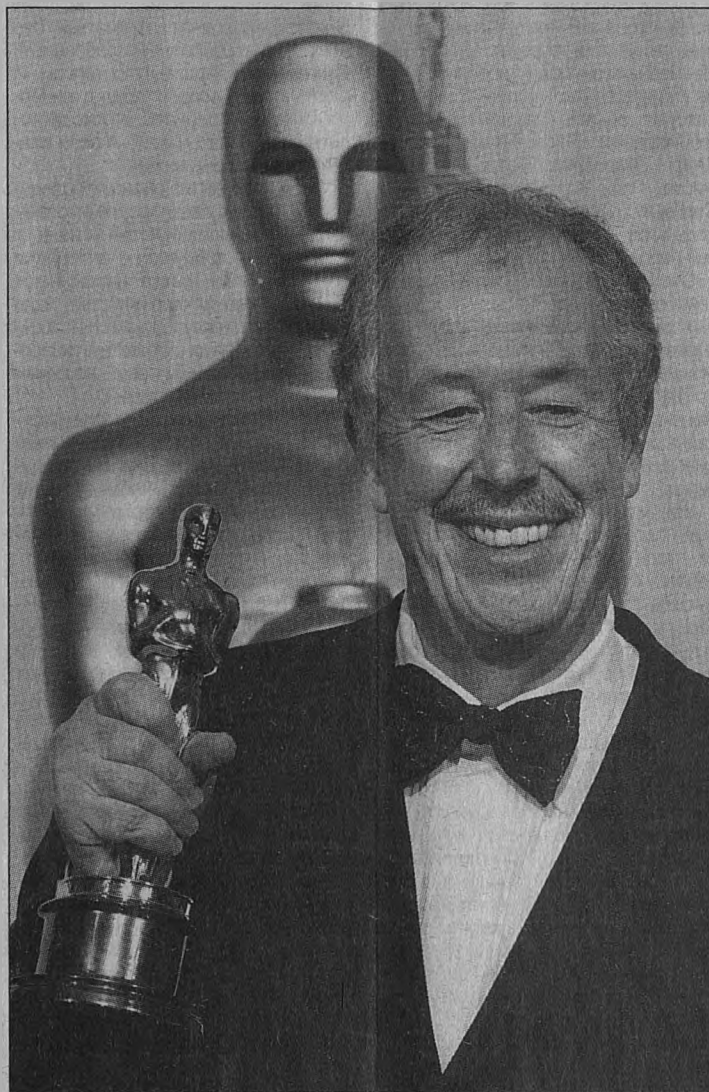
— Термин "варвар" был придуман древними греками. Они считали себя людьми цивилизованными, а всех остальных — другими, то есть варварами. Если вы находитесь в Америке, то варвары — мусульманские террористы. Но если вы в Багдаде, то варвары — американцы. Представьте себе, что вы всю жизнь читали. И ваш сын, не отходящий от компьютера, естественно, будет для вас варваром. Но если говорить на более серьезной ноте, то каждое кино закрепляет некий момент во времени, вы посмотрели картину — и это время умерло. Это актуально также для моего фильма, потому что мой герой — умирающий человек. В еще большей степени такая характеристика применима к фотографиям. Чем старше они, тем интересней, так как каждая запечатлевает момент времени, который умирает. Любая фотография, которую вы сделали вчера, будет менее интересна, чем те, которые сделаны вашей бабушкой.

— И все-таки кто для вас варвары?

— Это люди, которые воспринимают фильм только с точки зрения того, сколько они заработали на нем денег. Но я режиссер, и для меня такое отношение неприемлемо.

— Какие впечатления у вас сложились о России?

— Всего я проведу здесь 12 дней. А за это время сформулировать и осмыслить какие-то впечатления о стране с такой древней и уникальной культурой было бы слишком поверхностно. У нас то, что мы черпаем из средств массовой информации, сводится к следующему: Россия постоянно сталкивается с трудностями, а в Москве живут серые люди в серых домах, русская мафия дежурит на каждом перекрестке. Но я увидел другое. Прекрасный город, наполнен-

Д. Аркан

ный улыбающимися людьми, красивыми и элегантными женщинами. По сравнению с тем, что говорят о России у нас, впечатление совершенно другое. Я уже несколько раз бывал в вашей стране как турист. Недавно имел возможность посетить ВГИК. На русских фильмах я учился. Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, Ромм — мы изучали их на Западе. Когда я был подростком, для меня кино ассоциировалось только с Лос-Анджелесом и Россией, и я до сих пор признаю только эти две киношколы. И естественно, когда я смотрел фильмы Эйзенштейна, я никогда не думал, что мне доведется показывать свой фильм на его родине.

— Не пугают ли вас новые технологии, которые все больше и больше проникают в мир кино?

— Кинематография, которая нам хорошо известна, становится постепенно достоянием прошлого. Но то будущее, которое уже недалеко, будет основано на работе с компьютером и людьми, которые в нем разбираются. И можно прекрасно представить себе, что уже в обозримом времени в домах будут установлены огромные цифровые экраны. А DVD и т.д. мы будем покупать, как когда-то грампластинки. Я сам считаю себя мастодонтом. Фильмы, сделанные по старинке, вручную, становятся антиквариатом.

— Перечень крупнейших кинорежиссеров, работающих и работавших в Канаде, достаточно внушителен. Помимо вас это Норман Джуисон, Джеймс Камерон, Атом Эгоян, Дэвид Кроненберг, Патри-

сия Розема. Как, по-вашему, публика относится к канадским фильмам, какие из них пользуются наибольшим успехом в последнее время?

— Популярных канадских фильмов не очень много. Самыми популярными в Канаде, может быть, за исключением провинции Квебек, являются американские фильмы. Но вышли "Мамбо итальяно", "Большой соблазн" и "Нашествие варваров", и они отлично соперничают с американскими лентами. А наиболее успешный канадский режиссер — Дэвид Кроненберг. Я имею в виду за пределами арт-хауса.

— Как у вас сложился роман с телевидением после телезвонка "Империя"?

— Это был единственный случай, не считая 1995 года, когда я сделал телевизионный фильм, рассказывал он о бездомных, обитающих в Монреале. Но я предпочитаю не иметь отношения с телевидением. И вовсе не потому, что его не люблю. Просто когда сотрудничаешь с ТВ, возникает громадная цепочка людей — приходится работать не с конкретным человеком, а с потоком. Надо общаться с бюрократами, чиновниками, с техническим персоналом, и все они пытаются что-то говорить. Когда я работаю в кино, то помимо съемочной группы общаюсь только с продюсером. То есть речь здесь идет не о средствах работы, а об условиях работы. В кино, которое я снимаю, конечно, тоже есть свои трудности. Я всегда делаю фильмы для интеллектуальных людей, а сейчас мало снимается таких картин. В отличие от продюсеров я считаю, что интеллигентных людей не так уж и мало. И если они соберутся на мой фильм, то это не так уж и плохо. Продюсеры ненавидели название моего фильма "Закат американской империи", так как были уверены, что люди подумают о банках или, например, опять о Вьетнаме, и кинотеатры будут пусты. Но я настаивал на своем. Когда же фильм вышел на экраны и пользовался успехом, продюсеры в один голос стали утверждать, что я молодец. Но одно знаю точно — успех непредсказуем. Его нельзя спланировать. В "Нашествии варваров" у меня было все необходимое — прекрасный продюсер, актеры и так далее, и если мне не удалось что-то сделать, то это сейчас уже не исправить.